

А. В. Луначарский

Ленин как ученый и публицист

Воспоминания о В. И. Ленине: В 10 т. Т. 8 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.-- М.: Политиздат, 1991

Оригинал здесь -- <http://sovphil.narod.ru/catalog.html>

Отошедший от нас человек был велик во всех проявлениях своей личности. Нам, которым выпало на долю счастье быть более или менее близкими к нему, известно это хорошо. Мы поражались исполинским силам и этого ума, который проявлялся не только в больших произведениях или больших актах своей замечательной, полной мирового значения жизни, но в процессе повседневной работы, при разрешении каждой проблемы, которую жизнь ставила перед ним. Мы поражались также его напряженной железной воле, воле поистине стихийной, не имеющей даже отдаленно ничего общего с той пресловутой расхлябанностью и обломовщиной, в которой обычно упрекают нас, славян.

Наряду с этим Владимиру Ильичу присуща была некая небывалая духовная грация, впечатление которой давалось той легкостью, с которой задачи, и маленькие и большие, им разрешались. Он был живым, веселым -- мажорным человеком. Я почти не помню случаев, когда бы В. И. сколько-нибудь надолго омрачился или когда бы гигантская работа, умственная и моральная, им проводимая, напрягала, так сказать, его психическую мускулатуру. Он со всем справлялся играючи. При огромной серьезности, огромном чувстве ответственности, при требовательности такого же чувства ответственности от других он умел обволакивать работу и свою и тех коллективов, которые он привлекал к работе, какой-то уверенной бодростью и веселостью. Мы знали также его неизмеримую доброту. Частью этой доброты являлось глубочайшее товарищеское чувство по отношению к его политическим сотрудникам, необычайная ласковость к простым людям, которые к нему подходили и которые всегда уходили от него очарованные и влюбленные.

Но это только одна сторона, и, может быть, самая незначительная, этой доброты великана, которой он был преисполнен, которой он дышал. Другой и самой важной стороной был его бездонный и безграничный идеализм. Владимир Ильич терпеть не мог красивых фраз, никогда их не употреблял, никогда не писал красиво, никогда не говорил красиво и даже не любил, чтобы другие красиво писали и говорили, считая, что это отчасти вредит деловой постановке вопроса. Он ужасно не любил сентиментальности, и чрезвычайно редко из его уст не только в порядке официальном и публичном, но даже интимном, замкнутом слышались какие-нибудь фразы, имеющие моральный смысл, говорящие о любви к людям, к их будущему, об эмоциональных стимулах поведения. Не любил об этом говорить Владимир Ильич, но был преисполнен до мозга костей преданностью человечеству, как оно есть, за его страдания, за его бездорожье и темноту, и в этом смысле не только один пролетариат пламенно любил Владимир Ильич, но и крестьянство, трудовую массу вообще. В нем было глубочайшее и многообъемлющее сочувствие к страданиям масс, и любил он страстно, так, как другому, кто может или умеет, или хочет выражать более или менее в риторических формах свою любовь, не приснится никогда, любил светлое будущее человечества, которому служил всю жизнь. Не проявлялось это в нем внешне, но чувствовалось, как всепылающим огненным очагом в нем было это громадное сердечное величие. Может быть, от него, несмотря на черты, которые я указал, на его ласковость и прекрасные товарищеские чувства к близким, может быть, несмотря на это, именно ввиду того, что доброта его была велика по масштабу, от него веяло холодком. Он был недобродушен, он бы не остановился ни перед какими жертвами, своими или чужими, если эти жертвы казались ему необходимыми для разрешения основной социальной проблемы. В социальном смысле слова он был бестрепетным хирургом, и для маленьких, добродушных людей, для маленьких добрячков, обывателей могло даже казаться, что Ленин жестокий, сухой, величавый геометр, зодчий, который не считает с тем, что строить ему приходится из человеческого леса и что щепки, которые при этом летят, это -- человеческие страдания, человеческие жизни. Владимир Ильич это прекрасно знал, но именно ввиду величия дела с такими жертвами считаться не хотел и органически не мог. Он брал все в необычайно крупном размере и жил в атмосфере вопросов необычайно крупного масштаба, так, как другие живут в своей семейной обстановке.

Все эти черты В. И. нам уже давно казались в некоторой степени сверхчеловеческими, если это выражение в данном случае допустимо. Мы все без единого исключения, хотя наша партия обладает большими талантами и людьми, имена которых произносятся наряду с именем Ленина, мы все, несмотря на то что были эти другие, всегда сознавали огромную дистанцию между этими самыми крупными